

## ФОЛЬКЛОРИСТИКА

### ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ФОЛЬКЛОРА

УДК 39; 801.81

DOI 10.25205/2312-6337-2018-2-82-87

**Н. К. Козлова**

*Омский государственный педагогический университет*

#### **Что есть мотив (ещё раз к вопросу о научной терминологии)**

Статья посвящена проблемам, связанным с наполнением термина «мотив» и его употреблением в современных научных публикациях. Отмечается, что в отечественной науке не выработано единого подхода к наполнению этого термина. В статье приведены примеры вольного обращения с названной теоретической категорией. Внимание читателя ещё раз заостряется на основополагающих идеях А.Н. Веселовского в понимании мотива, касающихся повествовательности и семантической целостности мотива, а также на работах В.Я. Проппа, Е.М. Мелетинского и других ученых, занимавшихся проблемами структуры мотива. Автор говорит о своем понимании мотива и опыте систематизации мотивов мифологической прозы, призывает авторов научных работ при использовании термина прояснять, что под ним понимается. Несоблюдение этого правила предлагает считать теоретической небрежностью.

*Ключевые слова:* теоретическая категория, мотив, сюжет, тема, систематизация, семантическая целостность, структура, морфология повествовательные ходы, мотивема, алломотив, предикат.

Прошло 19 лет со времени выхода в свет историографического очерка И.В. Силантьева «Теория мотива в отечественном литературоведении и фольклористике», в котором исследователь показал многозначность и разнообразие в научном мире наполнения термина «мотив» [Силантьев, 1999].

Казалось бы, за это время наука, не стоящая на месте, должна была выработать общий подход в том, что будет принято называть «мотивом». Однако этого не произошло. Это констатирует А.В. Рафаева в своей монографии «Компьютер – слово – фольклор», изданной в 2014 г. В первой главе в разделе «Понятие мотива» автор замечает: «Сейчас в фольклористических и литературоведческих работах приняты различные способы употребления этого термина, не всегда определяемые явно и во многом зависящие от того, какие именно явления привлекают внимание авторов...» [Рафаева, 2014, с. 24].

Чтобы убедиться в справедливости этого замечания, приведем несколько примеров.

Часто в статьях мотивом называется то, что является темой: например, «мотив дороги». «Дорога» – это тема, которая может разрабатываться различными жанрами, в том числе и мифологической сказочной прозой. Само слово «дорога» не может считаться мотивом, так как объединяет очень широкий и разноплановый материал, оно не имеет повествовательного характера и «образного ответа на запросы первобытного ума» (по определению А.Н. Веселовского; см. ниже), которые мотив определяют [Веселовский, 1940]. Оно ни о чем не говорит и имеет только конкретное значение: «полоса земли, предназначенная для передвижения <...>» [Ожегов, 1989, с. 179]. Однако сплошь и рядом

*Козлова Наталья Константиновна* – доктор педагогических наук, профессор, доцент кафедры литературы и культурологии Омского государственного педагогического университета (ОмГПУ).

Контактная информация: наб. Тухачевского, д. 14, г. Омск, 644099, Российская Федерация.

E-mail: nkf@rambler.ru; тел.: 8-(381-2)-23-37-73; 23-29-94.

встречаем прикрепление термина «мотив» к тому или иному понятию, выраженному существительным: «мотив оберега», «мотив предсказания», «мотив хвостовства», «мотив инцеста», «мотив превращения» и т.п.

Ярким примером может служить монография Т.В. Краюшкиной с названием, говорящим само за себя: «Мотивы тела и телесных состояний человека в русских народных волшебных сказках Сибири и Дальнего Востока» [Краюшкина, 2009]. Зачем называть сами описываемые явления (лицо, руку, ногу, живот, слезы и прочее) «мотивами», тем более что употребление этого термина автору ничего не дает, кроме разве что наукообразности? Проще и точнее было бы сказать: «Тело и телесные состояния человека в русских народных сказках...». Вольное обращение с термином демонстрируется на протяжении всей монографии. Например, только в разделе «Фазы жизненного цикла» встречаем следующие конфигурации: «когда мотив любви становится одним из сказочных мотивов, молодость героя и невесты становится одной из причин возникновения между ними любви», «в волшебной сказке присутствует мотив, который можно обозначить следующим образом: герой молод, но обладает признаками, молодости не свойственными», «мотив старости может осложняться дополнительными функциями», «распространенный сказочный мотив – передача царства от старого царя молодому зятю», «анализируемый мотив может сопровождаться следующим мотивом: персонаж постарел, и потому не признан», «мотив передачи старости», «мотив передвижения», «мотив возраста», «мотив конкретного возраста», «мотив получения молодости» [Там же, с. 16–26]. Как видим, автор называет «мотивом» всё, что рассматривает и анализирует. Т.В. Краюшкина вводит еще термин «подтип мотива», но при этом совершенно непонятно, что ею понимается под самим мотивом.

Часто мотивом называют повествовательные элементы, которые, по сути, являются составляющими сюжета и показывают развитие действия в эпическом произведении. Может показаться, что когда мы говорим «мотив мифологической темы» и «мотив мифологического сюжета», то подразумеваем разные явления. На самом деле суть мотива и в том, и в другом случае одна и та же. Только сюжет выбирает для своего построения ограниченное количество мотивов мифологической темы. Они ложатся в его основу. Но кроме мотивов сюжет использует повествовательные ходы и прочие содержательные элементы, которые мотивами не являются, так как мотив – не реальная часть повествования. Он может быть частью сюжетной схемы. В своей монографии мы приводили следующий пример: «начало реального текста может звучать так: “Умер муж. Жена затосковала по нему. И вот однажды ночью он приходит и спать с ней ложится...” Исследователь из этой цепочки сюжетных ходов извлекает мотив: мифическое существо вступает в любовные отношения с женщиной (так как она тоскует об умершем муже)» [Козлова, 2006, с. 35]. В скобках мы показали варьируемую мотивировку.

На I Сибирском форуме фольклористов прозвучал доклад А.А. Кузьминой (Якутск) «Указатель сюжетных мотивов самозаписей якутского героического эпоса олонхо», тезисы которого опубликованы в сборнике по итогам форума [Кузьмина, 2016]. Докладчик не объясняет, что понимается под мотивом. Однако сразу становится ясным, что категория мотива в данном случае подменяется категорией повествовательного хода в тексте олонхо и композиционными элементами. Приведем пример. Автор тезисов пишет: «Эпический зачин состоит из следующих мотивов: “1.1. Формула эпического времени”, “1.2. Сотворение Вселенной (мира)”, “1.3. Описание мира, природы”, “1.4. Описание священного дерева”, “1.5. Создание обитателей трех миров (Верхнего, Среднего и Нижнего)”, “1.6. Описание жилища”, “1.7. Спуск богатыря вместе с сестрой и помощником-тунгусом из Верхнего мира в Средний мир”» [Там же, с. 24].

Даже беглого взгляда достаточно, чтобы понять, что речь идет об архитектонике текста, включающей в себя статичные элементы (описание жилища, описание мира природы, описание священного дерева), повествовательные ходы (создание обитателей трех миров, спуск богатыря в Средний мир), устойчивые эпические формулы (формула эпического времени). Наверное, эпический зачин может включать и мотивы, содержащие мифологемы (предположим, что, абстрагируясь от конкретного текста, можно показать, каким образом происходит сотворение мира, сформулировав это в абстрактной мотивной формулировке). Но автора сообщения явно интересуют не мифологемы, не «образный ответ на запросы первобытного ума», а то, насколько анализируемый с точки зрения архитектоники текст соответствует традиции. И то, что названо А.А. Кузьминой «указателем сюжетных мотивов» на деле представляет собой описание построения текста олонхо, включающее как статичные, так и динамичные единицы.

Приведем еще один пример. В 24-м выпуске (№ 1 за 2013 г.) журнала «Языки и фольклор коренных народов Сибири» помещена статья Б.А. Коломакиной «Мотив исчисления неисчислимого в сибирских сказках о животных (на материале сказок алтайцев, бурят, хакасов)» [Коломакина, 2013]. Автор статьи также не уточняет, что понимается под мотивом, но приводит следующее «описание

мотива: персонаж подсчитывает число членов (объектов / субъектов) в двух группах. В этих группах количество распределяется поровну, но один член оказывается наделенным свойствами обеих групп. Отнеся его на основании выявленных признаков к одной из групп и тем самым обеспечив численное преимущество этой группы, персонаж доказывает свою правоту» [Там же, с. 47]. Почему описанная повествовательная схема названа «мотивом» – совершенно непонятно. Ведь в данном случае перед нами сюжет (или схема сюжетного типа), а не мотив. Автора не смущает, что приведенная ею похожая аннотация из «Сравнительного указателя сюжетов...» [СУС: 983\* = АА \*981 I] названа там сюжетом. Приведенные ею типологически сходные схемы из фольклора разных народов мира она также называет «мотивами», хотя это – версии сюжета, аннотация которого приведена выше. Далее по тексту статьи похожие конструкции из сказок алтайцев автором уже названы сюжетами, а из бурятского фольклора – мотивами: «В бурятских сказках о животных мотив подсчета получил следующее развитие <...>» (далее следует описание развития действия в сюжете) [Коломакина, 2013, с. 48]. Схема, которую приводит в своей статье Б.А. Коломакина и называет «структурой мотива», на деле является структурой сюжета. По сути, автор анализирует сюжет с его версиями и вариантами, ключевым в котором является мотив: **герой исчисляет неисчислимое с тем, чтобы доказать неправоту (правителя)**. Но при этом демонстрирует путаницу в теоретических понятиях, усложняя восприятие содержания статьи.

Не можем не удержаться, чтобы не привести пример вольного обращения и с термином «сюжет». Так, в статье А.А. Скулачёва (студент Российского гуманитарного государственного университета, г. Москва) «Былички о летучем змее из Вельского района Архангельской области», напечатанной в № 1 журнала «Живая старина» за 2012 г., читаем: «<...>Инвариант сюжета, который можно реконструировать из сделанных нами записей, следующий: летающее существо (змей / огненный шар / змейки / огненная птица), вылупившееся из яйца, которое снес петух, приносит хозяину богатство. Существо надо вовремя убить, в противном случае оно может устроить пожар. Петушиное яйцо либо сносит очень старый петух, либо его нужно “выпаривать” под мышкой / в шубе в течение длительного времени. Могут также конкретизироваться блага, которые приносит змей...» (далее следует зафиксированный текст) [Скулачёв, 2012, с. 21]. Казалось бы, понятие «сюжет» в фольклористике уже устоялось, но начинающий исследователь позволяет себе подменить его суть перечислением зафиксированных поверий о змее-обогатителе.

Думаем, приведенных примеров достаточно для того, чтобы сделать вывод о сложившейся практике вольного обращения с научной терминологией.

И дело здесь, наверное, не в тех сложностях, о которых пишет С.Ю. Неклюдов, констатируя трудноопределимость, неясность соотношения «синтагматических и парадигматических ракурсов, морфологической схемы и текстовой организации, универсальных структур и национально специфических редакций, его корреляций с компонентами модели / картины мира, с одной стороны, и с “общими местами” текста, – с другой» [Неклюдов, 2004, с. 236] (цит. по: [Рафаева, 2014, с. 25]). Мы имеем дело со сложившейся практикой употреблять термин «мотив» всуе, как очередную «модную» научную категорию.

Содержание же понятия «мотив», в принципе, можно привести к общему знаменателю. Достаточно, на наш взгляд, обратиться к имени А.Н. Веселовского, создавшего научный задел, многое из которого только в настоящее время активно разрабатывается наукой. Это в полной мере касается категории мотива, рассматривавшегося А.Н. Веселовским в традиции исторической поэтики. И.В. Силантьев, анализируя «*основополагающие идеи*» ученого в отношении мотива, отмечает следующее: 1) речь идет о мотиве *повествовательном*; 2) «ученый неизменно подчеркивает свойство *неразложимости* мотива»; 3) «в качестве критерия неразложимости у А.Н. Веселовского выступает *семантическая целостность* мотива (курсив везде наш. – Н. К.)» [Силантьев, 1999, с. 5]. Необходимо вспомнить и то определение мотива, которое дал А.Н. Веселовский: «Под мотивом я разумею простейшую повествовательную единицу, образно ответившую на разные запросы первобытного ума или бытового наблюдения» [Веселовский, 1940, с. 494] (цит. по: [Силантьев, 1999, с. 5]). На страницах своего историографического очерка И.В. Силантьев показывает, что А.Н. Веселовский имел в виду именно семантическую, а не морфологическую неразложимость мотива, что «морфологическая сложность и морфологическая разложимость» для него «вполне очевидна» и что последняя обоснована в трудах В.Я. Проппа. При этом снимается кажущееся противоречие между подходами к категории мотива у Веселовского и Проппа.

И.В. Силантьев рассматривает работы исследователей, которые вслед за Е.М. Мелетинским признают морфологическую структуру мотива сходной со структурой предложения: субъект, действие (предикат), объект, дополнения и мотивировки (Н.М. Ведерникова, Н.А. Криничная и др.) [Силантьев, 1999].

Таким образом, если идти вслед за «основополагающими идеями» А.Н. Веселовского (ведь именно он разрабатывал эту понятийную категорию), В.Я. Проппа, Е.М. Мелетинского и других, то под мотивом нужно понимать повествовательную предикативную единицу, имеющую структуру предложения (главное в которой предикат), но обязательно содержащую мифологему, историческое или бытовое наблюдение народа («образно отвечающие на запросы первобытного ума или бытового наблюдения» (см. выше)). Мы на своем научном опыте составления систематических указателей мифологических мотивов (УМ) и сюжетов (УС) убедились, что продуктивно именно такое понимание этой категории [Козлова, 2006, 2011].

Нужно помнить также, что выделение мотивов – не самоцель. При систематизации мифологической прозы мы либо пытаемся выявить мировоззренческий уровень (УМ), либо уровень творчества на основе мировоззрения (УС). И здесь не обойтись без еще одной теоретической категории – понятия «тема». В применении этого понятия мы идем вслед за Ю.И. Смирновым, обосновавшим его в своем систематическом указателе «Восточнославянские баллады и близкие им формы» [Смирнов, 1988]. Тема – это классификационный уровень. Она объединяет материал по устойчивому признаку. Например, в мифологической прозе можно выделить темы «Мифический любовник», «Мифический хозяин леса», «Мифический помощник» и т.д. [Козлова, 2013]. Внутри темы нужно материал систематизировать, то есть объединить его уже по изменчивым признакам, коими являются сюжет и мотив. При этом УМ призван показать мифологические представления внутри темы и их эволюцию через варьирование элементов мотива [Козлова, 2006, 2011].

В научных работах фигурируют также термины «мотивема» и «алломотив» [Силантьев, 1999, с. 39–40; Рафаева, 2014, с. 25–30]. На наш взгляд, к первой категории фольклорист может обратиться лишь тогда, когда будет проработан и систематизирован огромный фольклорный кроссжанровый (или даже в пределах одного жанра) материал, что даст возможность проанализировать развитие «мотивемы» в народном мировоззрении. Выделение же «алломотивов» в устной традиции (в отличие от литературного материала) приведёт к «дурной бесконечности» [Jason, 2000]. Об «алломотивах» на фольклорном материале можно говорить тогда, когда мы имеем дело с анализом классических опубликованных текстов [Козлова, 2006, с. 36–37].

Описав своё понимание мотива, мы не призываем следовать только ему. Проблема мотива, как уже было отмечено, достаточно сложна, и все точки над *i* здесь далеко не расставлены. Но, видимо, стоит призвать авторов научных работ не только не употреблять этот термин для обозначения любых устойчивых компонентов повествования (существует немало других определений), но и при использовании прояснять, что конкретно под ним понимается. Несоблюдение этого правила следует считать теоретической небрежностью.

### Список литературы

- Веселовский А.Н.* Историческая поэтика. Л., 1940.
- Козлова Н.К.* Белорусские формы в указателе сюжетов сибирской мифологической прозы о русалке // Традиционная культура. 2013. № 2. С. 127–137.
- Козлова Н.К.* Восточнославянские мифологические рассказы о змеях. Систематика. Исследование. тексты. Омск: Изд. дом «Наука», 2006. 460 с.
- Козлова Н.К.* Проблемы составления указателя мотивов мифологической прозы // От конгресса к конгрессу. Материалы Второго Всероссийского конгресса фольклористов: Сб. докладов. М., 2011. Т. III. С. 390–411.
- Коломакина Б.А.* Мотив исчисления неисчислимого в сибирских сказках о животных (на материале сказок алтайцев, бурят, хакасов // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2013. № 1 (вып. № 24.). С. 47–50.
- Краюшкина Т.В.* Мотивы тела и телесных состояний человека в русских народных волшебных сказках Сибири и Дальнего Востока. Владивосток: Дальнаука, 2009. 338 с.
- Кузьмина А.А.* Указатель сюжетных мотивов самозаписей якутского героического эпоса олонхо // I Сибирский форум фольклористов: Тезисы докладов. Новосибирск, 2016. С. 24–25.
- Неклюдов С.Ю.* Мотив и текст // Язык культуры: семантика и грамматика: к 80-летию со дня рождения академика Никиты Ильича Толстого (1923–1996) / Отв. ред. С.М. Толстая. М.: Индрик, 2004. С. 236–247.
- Ожегов С.И.* Словарь русского языка. М.: Рус. яз., 1989. 924 с.
- Рафаева А.В.* Компьютер – Слово – Фольклор. М.: РГГУ, 2014. 280 с. (Серия «Традиция – текст – фольклор: типология и семиотика»).

Силантьев И.В. Теория мотива в отечественном литературоведении и фольклористике: очерк историографии. Новосибирск: Изд-во ИДМИ, 1999. 104 с.

Скулачёв А.А. Былички о летучем змее из Вельского района Архангельской области // Живая старина. 2012. № 1. С. 21–23.

Смирнов Ю.И. Восточнославянские баллады и близкие им формы (Опыт указателя сюжетов и версий). М.: Наука, 1988. 117 с.

СУС – Сравнительный указатель сюжетов. Восточнославянская сказка / Сост. Л.Г. Бараг и др. Л.: Наука, 1979. 437 с.

Jason H. Motif, type and genre: A manual for compilation of indices & a bibliography of indices and indexing. Helsinki: Academia Scientiarum Fennica, 2000. (FFC 273).

**N. K. Kozlova**

*Omsk State Pedagogical University, Omsk, Russian Federation;*  
nkf@rambler.ru

### **What is the motive (again to the question of scientific terminology)**

The author analyzes the content of the term "motive" and the problems of its use in present-day scientific publications. The article gives examples of the snide use of the named theoretical category in some studies. On the example of the monograph by T.V. Krayushkina "Motives of the body and physical states of man in Russian folk fairy tales of Siberia and the Far East" it is shown that the term "motive" is attached to all phenomena that the author considers and analyzes.

In the article "Index of motives of self-recorded texts of the Yakut heroic epos *olonkho*" by A.A. Kuzmina (Yakutsk), static elements, description, narrative units, and sustained poetic formulas are named motives. The category of motive is replaced by the category of narrative in the *Olonkho* text and by compositional elements.

The article "The motive of calculating the incalculable in the Siberian fairy tales about animals (on the material of fairy tales of Altaians, Buryats, Khakasses)" by B.A. Kolomakina (Novosibirsk) also does not specify what is meant by the motive but gives the narrative schema, which is more related to the annotation of the plot or story type than to the motive. The author demonstrates the confusion in theoretical concepts, complicating the perception of the article.

After a number of examples, the author concludes that the current practice of the snide user of scientific terminology uses the term "motive" as another "fashionable" scientific category.

The reader's attention is once again focused on the fundamental ideas of A.N. Veselovsky in understanding the motive concerning the narrative and semantic integrity of the motive, and on the definition of the motive given by this remarkable scientist. The works of V.Ya. Propp, E.M. Meletinsky and others, dealing with the problems of the motif structure, are mentioned.

Following the ideas of named scientists the author proposes to mean by "motive" the narrative predicative unit having the structure of the sentence, but not necessarily containing mythologic, historical, or domestic observation of the people. The author of the article is convinced that such understanding of a motive is productive, as it is put to the test by author's personal experience of drawing up indexes of motives and plots of national mythological prose.

It is specified that the selection of motives is not a result itself. In the systematization of mythological prose an index of motives contributes to the identification of the ideological level. Attention is drawn to another important theoretical category – "theme", showing the classification level. It combines material on a sustainable basis. Inside the theme it is necessary to systematize, that is, to distribute already mutable signs which are plot and motive. At the same time, the index of motives is intended to show mythological representations within the theme and their evolution through the variation of motive elements.

Having described his understanding of the motive, the author does not call to follow only her conclusions, but considers it necessary to clarify what exactly is meant by the motive when referring to this category. The author considers the non-observance of this rule a theoretical negligence.

**Keywords:** theoretical category, motive, plot, theme, classification, semantic integrity, structure, morphology narrative moves *motivemag*, *allomotiv*, the predicate.

### **References**

Kolomakina B.A. Motiv ischisleniya neischislimogo v sibirskikh skazkakh o zhivotnykh (na materiale skazok altaytsev, buryat, khakasov [The motive of calculating the incalculable in the Siberian fairy tales about animals (on the material of fairy tales of Altaians, Buryats, Khakasses)]. *Jazyki i folklor korennykh narodov Sibiri [Languages and folklore of the indigenous peoples of Siberia]*. 2013, no. 1 (iss. 24.), pp. 47–50.

Kozlova N.K. Belorusskie formy v ukazatele suzetov sibirskoj mifologicheskoi prozu o rusalke [Byelorussian forms in the index of Siberian mythological prose stories about an undine]. *Tradicionnaja kultura [Traditional culture]*. 2013, no. 2, pp. 127–137].

Kozlova N.K. *Vostochnoslavjanskije mifologicheskije rasskazy o zmejah. Sistematika. Issledovanie. Teksty [East Slavic mythological stories about snakes. Systematics. Research. Texts]*. Omsk, Nauka Publ. House, 2006, 460 p.

Kozlova N.K. Problemy sostavleniya ukazatel'a motivov mifologicheskoi prozy [Problems of drawing up the index of motives of mythological prose]. *Ot kongressa k kongressu. Materialy Vtorogo Vserossijskogo kongressa fol'kloristov: Sbornik dokladov [From Congress to Congress. Materials of the Second all-Russian Congress of folklorists: Collection of reports]*. Moscow, 2011, vol. III, pp. 390–411.

Krajushkina T.V. *Motivy tela i telesnyh sostojanij cheloveka v russkih narodnyh volshebnyh skazkah Sibiri i Dal'nego Vostoka [Motives of the body and physical states of man in Russian folk fairy tales of Siberia and the Far East]*. Vladivostok, Dal'nauka Publ., 2009, 338 p.

Kuzmina A.A. Ukazatel' suzetnyh motivov samozapisej jakutskogo geroicheskogo eposa olonho [Index of motives of self-recorded texts of the Yakut heroic epos olonkho]. In: *I Sibirskij forum folkloristov: Tezisy dokladov [I Siberian forum of folklorists: Abstracts]*. Novosibirsk, 2016, pp. 24–25.

Neklyudov S.Y. Motiv i tekst [Motif and text]. In: *Jazyk kultury: semantika i grammatika: k 80-letiju so dnya rozhdeniya akademika N.I. Tolstogo (1923–1996) [Language of culture: semantics and grammar: to the 80th anniversary of the birth of academician Nikita Ilyich Tolstoy (1923–1996)]*. Ed. S.M. Tolstaja. Moscow, Indrik Publ., 2004, pp. 236–247.

Ozhegov S.I. *Slovar' russkogo jazyka [Dictionary of the Russian language]*. Moscow, Russian language Publ., 1989, 924 p.

Rafaeva A.V. *Komp'yuter – Slovo – Fol'klor [Computer – Word – Folklore]*. Moscow, Publ. of RGGU, 2014, pp. 280 (Traditsiya – tekst – fol'klor: tipologiya i semiotika [Tradition – text – folklore: typology and semiotics]).

Silant'ev I. V. Teoriya motiva v otechestvennom literaturovedenii i fol'kloristike: ocherk istoriografii. [*The theory of the motif in Russian literature and folklore studies: an essay on historiography*]. Novosibirsk: Publ. house of IDMI, 1999. 104 p.

Skulachev A. A. Bylichki o letuchem zmee iz Vel'skogo rayona Arkhangel'skoy oblasti [Bylichki about a flying snake from the Velsky district of the Arkhangel'sk region]. *Zivaja starina [Living antiquity]*. 2012, no. 1, pp. 21–23.

Smirnov Yu. I. *Vostochnoslavjanskije ballady i blizkie im formy (Opyt ukazatelya syuzhetov i versiy) [East Slavic ballads and forms close to them (experience of the index of plots and versions)]*. Moscow, Nauka Publ., 1988, 117 p.

*Sravnitel'nyy ukazatel' syuzhetov. Vostochnoslavjanskaya skazka [Comparative index of subjects. East Slavic fairy tale]*. Comp. L.G. Barag, etc. Leningrad, Nauka Publ., 1979, 437 p.

Veselovskij A.N. *Istoricheskaja poetika [Historical poetics]*. Leningrad, 1940.

Jason H. *Motif, type and genre: A manual for compilation of indices & a bibliography of indices and indexing*. Helsinki, Academia Scientiarum Fennica, 2000. (FFC 273)